

ALEKSANDR DEMIDOV

ДО ПЕРВОГО ПЕТУХА

РОМАН

Aleksandr Demidov

До первого петуха

«Автор»

2026

Demidov A.

До первого петуха / А. Demidov — «Автор», 2026

В горы ушли пятеро. Вернулись шестеро. Егор недавно переехал в маленький городок в Стране Басков. Новая школа, чужой язык, незнакомые ребята. Чтобы стать своим, он соглашается на ночную вылазку к заброшенному горному источнику, куда местные запрещают ходить после заката. Утром всё кажется обычным. Кроме одного: среди друзей появился шестой мальчик — Мартин. Все уверены, что знают его много лет. Все, кроме Егора. А потом исчезает Ане. И происходит кое-что страшнее самого исчезновения: никто больше не помнит, что она существовала. Егор находит её там, где заканчиваются знакомые дороги и начинается чужая ночь. Но с каждым возвращением он замечает, что и его собственное место в дневном мире постепенно стирается. Чтобы спасти Ане, ему придётся разгадать тайну шестого мальчика, снова войти в горы и найти дорогу обратно. До первого петуха. Потому что после рассвета может оказаться, что возвращаться уже некому.

© Demidov A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвёртая	12
Глава пятая	14
Глава шестая	16
Глава седьмая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Aleksandr Demidov

До первого петуха

До первого петуха
роман

Глава первая

Двор был бетонный, с трёх сторон дома, с четвёртой — низкий забор, за которым сразу начинался склон, и по склону вниз уходили крыши, черепица на них была старая, где рыжая, где почти чёрная от сырости, и между крышами торчала колокольня, а за колокольней стояли горы. Горы стояли так близко, что казались нарисованными на холсте, как в театре. Егор жил здесь три месяца и всё не мог привыкнуть, что они настоящие.

Пацанов было четверо. Он знал их в лицо и знал имена — Ибай, Хон, еще один Хон, но так как он был младше - его звали Хонтхо, и Асьер. Асьер был главным, но не потому что был старше или сильнее, а потому что у него был телефон с хорошей камерой и аккаунт в Тиктоке, на который были подписаны почти все в школе и половина соседнего городка.

Егор подошёл и встал не слишком близко и не слишком далеко. Это была отдельная наука — на каком расстоянии встать. Слишком близко — навязываешься. Слишком далеко — как будто боишься. Он вычислял это расстояние каждый раз заново и каждый раз, кажется, ошибался.

— Че как, — сказал Асьер. Не «привет». Просто «че как». Это могло значить что угодно.

— Че как, — сказал Егор.

Дальше он не знал, что сказать. По-испански он за три месяца выучил достаточно, чтобы понимать, о чём идёт речь, и недостаточно, чтобы вставить хоть что-нибудь смешное. А вставить смешное было важнее всего. Тут всё держалось на том, кто быстрее скажет смешное. Егор дома умел смешить. Но дома он смешил по-русски, а по-русски здесь не понимал никто, кроме матери.

Они говорили про какого-то Унаи, который что-то сделал с чьим-то мопедом. Егор не знал ни Унаи, ни в чём было дело с мопедом, но по лицам понимал, где смеяться, и смеялся там же, где все, чуть-чуть погодя. Это тоже была наука — смеяться вовремя. Если засмеёшься одновременно со всеми, никто не заметит, что ты не понял. Если чуть раньше — сразу видно, что притворяешься. Он держал это «чуть-чуть погодя» уже три месяца и очень от него устал.

Асьер снимал что-то на телефон. Не их — стену, кошку на стене, крыши. Он всё время что-то снимал, привычно, не задумываясь, как другие грызут ногти. Кошка спрыгнула, Асьер повёл камерой за ней и упустил, кошка ушла под машину.

— Ушла, — сказал Хонтхо.

— В интернет попала и ушла, — сказал Егор.

Он хотел сказать «прославилась», но не знал слова и сунул вместо него «интернет». Получилось глупее, чем он придумал. Из-за этого сжался внутри.

Асьер посмотрел на него. Секунду. И засмеялся. И за ним засмеялись остальные, и Ибай повторил «в интернет попала и ушла» и опять засмеялся, и Хонтхо смеялся, показывая под машину, где кошки уже не было.

Смеялись не над ним. Вместе с ним. Егор стоял и чувствовал, как его отпустило.

Он не стал говорить ничего больше. Он уже усвоил главное правило: удачно пошутил — молчи. Не порти.

Они посидели ещё. Асьер докрутил какое-то видео, показал Ибаю, тот сказал что-то, они поспорили без злости. Начинало темнеть, снизу, из городка, потянуло дымом и едой. Пацаны стали расходиться, не прощаясь толком, просто один встал и пошёл, потом другой.

Асьер, уходя, обернулся к Егору.

— Завтра придёшь?

Егор постарался ответить так, будто это ничего не значит.

— Куда?

— Потом скажу.

И ушёл.

Егор постоял ещё немного один у забора. Внизу зажигались окна. Горы уже не были холстом, они стали просто чёрными, без формы. Он пошёл домой и всю дорогу ловил себя на том, что идёт слишком быстро, и заставлял себя идти медленнее, потому что бежать домой причины не было, ничего же не случилось. Просто «завтра придёшь». Просто «потом скажу». Ничего.

Дома пахло едой. Мать что-то делала на кухне, не оборачиваясь.

— Ты где был?

— Во дворе.

— Поешь.

Он поел стоя, быстро, глядя в телефон. В новом чате, куда его добавили на прошлой неделе и где он до сих пор ни разу ничего не написал, было тихо. Он положил телефон обратно в карман, потом опять достал. Тихо.

Он натянул куртку.

— Я пошёл.

— Куда?

— Недалеко.

— Домой вернись.

— Мам.

Она не ответила. Егор вышел. На лестнице было холодно и пахло чужой едой из-за чужих дверей. Он спустился во двор, но во дворе уже никого не было, и он сам не знал, зачем вышел. Постоял. Посмотрел в телефон ещё раз.

Потом поднял голову. Над крышами, над колокольней, стояли горы — теперь совсем чёрные, и над ними было ещё светлое небо, а в небе одна звезда, очень ранняя. Егор смотрел на неё, пока не замёрз, и думал о том, что завтра пойдет, а куда — потом скажут.

Глава вторая

На следующий день оказалось, что «завтра придёшь» значило встретиться после школы, а «потом скажу» так и осталось тайной до самого вечера, пока они опять не собрались во дворе. Егор весь день носил в себе это знание — что вечером он зачем-то нужен, — и оно грело, как монета в кармане, которую то и дело трогаешь пальцами, проверяя, на месте ли.

Во дворе Асьер сразу показал телефон. На экране было чужое видео: кто-то ночью лез в бетонную трубу под дорогой, снизу подсвечивая себе лицо, и лицо в этом свете было жёлтое и страшное. Под видео стояло много цифр.

— Сто сорок тысяч, — сказал Асьер. — За трубу. За обычную трубу.

Они стали думать, что придумать своё. Ибай предлагал заброшенный дом за бензоколонкой, но туда уже лазили все. Хон предлагал тоннель, но до тоннеля надо было ехать, а ехать было не на чем. Спорили без злости, перебирали места, как открывают холодильник поздно ночью, а выбрать нечего.

Хонтхо сидел на заборе и молча болтал ногами, и неожиданно для все сказал:

— К источнику ночью нельзя.

— К какому источнику?

— Который наверху. За старой усадьбой. Туда ночью не ходят.

— Почему?

Хонтхо пожал плечами. Он был младший, и говорил обычно осторожно, будто заранее готовился, что его перебьют.

— Нельзя и всё. После полуночи. Мне дед говорил.

— А что там?

— Ничего нет. — Хонтхо подумал. — И никого нет. Просто ночью туда нельзя.

— Ну а почему нельзя, если никого нет?

— Нельзя, — сказал Хонтхо и замолчал.

Егор слушал и не всё понимал, но главное понял. Он думал, что сейчас над Хонтхо будут смеяться. Но никто не смеялся. Ибай даже как будто задумался.

А Асьер смотрел на Хонтхо так, как смотрел утром на кошку, — уже прикидывая кадр.

— Так это же снять можно, — сказал он.

Он сразу оживился. Ночь, наверх, к источнику, куда нельзя, с телефонами. Набрать воды и вернуться. Он уже говорил быстро, показывал руками, где встанет камера, как пойдут.

Хонтхо ничего не сказал.

— В субботу, — сказал Асьер. — В субботу ночью.

Тут через двор шла девочка. Егор видел её в школе, знал, что её зовут Ане и что она из старших классов. Она шла не к ним, а мимо, но, проходя, услышала, и остановилась.

— Вы идиоты, — сказала она.

— Чего? — сказал Асьер.

— Туда ночью нельзя.

— Ты тоже про это? — Асьер усмехнулся, но не зло. — Вы что, сговорились.

— Идите если хотите. Я так, предупредила.

— Боишься? — сказал Асьер.

— Да, — сказала Ане.

И пошла дальше, и ушла со двора, и не обернулась.

Егор смотрел ей вслед.

Странная.

— Она всегда так, — сказал Хонтхо и снова уткнулся в телефон.

И на этом разговор про Ане закончился, так и не начавшись, и Асьер уже опять говорил про субботу, про то, что надо будет полностью зарядить телефоны и взять пустую бутылку под воду, чтобы вернуться с водой, — так интереснее, доказательство, что дошли.

Егор кивал вместе со всеми. В субботу. Ночью. Наверх. Он ещё не сказал ни «да», ни «нет», но все уже считали, что он идёт, и это было хорошо — что считали. Значит, он был с ними.

— Во сколько? — спросил он.

— В двенадцать.

Егор кивнул.

Домой он в этот раз шёл медленно нарочно, потому что уже заметил за собой — торопиться, — и назло себе шёл медленно, и всё равно пришёл быстро.

— Ты где был?

— Во дворе.

— В субботу можно я поздно приду?

Мать обернулась.

— Насколько поздно?

— Ну поздно. Мы гулять.

— С кем.

— С пацанами. Мам, все гуляют.

Она посмотрела на него, вытирая руки, и по лицу было видно, что она сейчас взвешивает не субботу, а вообще всё — этот двор, этих пацанов, которых не знает, чужой городок, где у неё нет никого, нет кому позвонить и спросить, что за пацаны. Всё это она взвесила за секунду и, кажется, решила, что мальчику надо с кем-то гулять.

— Мы рядом. С пацанами.

— Ладно.

— Домой вернись, — сказала она и опять отвернулась к плите.

— Мам.

Она не ответила.

Глава третья

В субботу он вышел из дома в половине двенадцатого. Мать сидела на кухне, не спала, хотя обычно в это время уже спала, — и Егор понял, что она нарочно не легла, чтобы его проводить, и не знал, злиться на это или нет.

— Куртку возьми потеплее, — сказала она. — Наверху холодно.

— Я в этой.

— Возьми, тебе говорят.

Он взял другую, чтобы не спорить.

— Я пошёл.

— Домой вернись.

— Мам.

Она ничего не сказала. Он вышел.

Собирались за бензоколонкой, где стоял фонарь и начиналась грунтовая дорога наверх. Пришли не все разом — сначала Асьер с Хоном, потом Ибай, последним прибежал Хонтхо, запыхавшийся, в шапке, и Асьер сказал ему, что он как маленький в этой шапке, и Хонтхо шапку снял и сунул в карман, а через десять минут когда стали подниматься, надел обратно, потому что и правда становилось холодно.

Пошли. Дорога сначала была широкая и знакомая, её Егор проходил днём. Потом фонарь бензоколонки остался за спиной, свернули на тропу, и темнота стала другая — не как в городе, где всегда откуда-то есть свет, а полная, глухая, и небо над тропой было светлее земли.

Егор шёл и всю дорогу считал. Не шаги — другое.

Первым идти нельзя — будет видно, что выпендривается. Последним тоже нельзя: последний — трус. Держаться третьим-четвёртым, в середине. Фонарь не включать раньше других. Не спрашивать, сколько ещё идти. Если все молчат — молчать тоже. Асьер снимает — в камеру не смотреть. Он вычислял всё это на ходу, быстро, привычно, как вычислял во дворе расстояние, на каком встать, только теперь считать было труднее: темнота всё время сбивала расчёт.

Пацаны шумели. Ибай пугал сзади Хонтхо — хватал за плечо и делал «бу», Хонтхо каждый раз вздрагивал и каждый раз говорил, что не испугался. Асьер шёл спиной вперёд, снимал их, светил телефоном себе в лицо, и лицо на секунду вспыхивало жёлтым, чужим, ямы вместо глаз, — а потом он поворачивал телефон, и лицо опять становилось Асьером. Было жуткова-то

Где-то в стороне, ниже, крикнуло животное — коротко, некрасиво. Все на секунду замолчали.

— Кот, — сказал Хон.

— Сам ты кот, — сказал Ибай. — Сова.

Спор про кота и птицу занял их до следующего поворота, и стало опять шумно.

Тропа сузилась. Пошли гуськом. Старую усадьбу они прошли, не заходя, — тёмная низкая постройка справа, без окон, без света, просто чернее черноты, и её обошли по краю, и никто про неё ничего не сказал, только Хонтхо перекинул телефон в другую руку.

А потом стало слышно воду.

Сначала не поймёшь откуда, просто ровный звук, будто кто-то далеко и долго льёт из чайника. Потом ближе. И вышли к источнику.

Он был меньше, чем Егор почему-то ожидал. Просто из-под камня, из тёмной щели, шла вода — в маленькую каменную чашу, старую, обросшую по краю чем-то мягким, и из чаши через край в темноту, вниз. Над водой стояло дерево, одно, большое, и его не было видно целиком, только нижние ветки в свете телефонов, а выше оно уходило в темноту и там сливалось с небом.

И вот тут они замолчали.

Никто не сказал «тихо». Просто разговор сам сошёл на нет. Егор тоже почему-то стал говорить вполголоса.

Асьер снял несколько дублей. Вставал и так и эдак, ловил дерево на фоне, светил на воду. Один раз шёпотом выругался, что не так встал, переснял. Потом сказал, уже громче, нарочно громче:

— Ну что, страшно?

Никто не ответил. Ибай фыркнул. Хонтхо смотрел на воду и молчал.

Достали бутылку. Подставили под струю. Вода набиралась медленно, звук был ровный, и все зачем-то смотрели, как она набирается, будто это интересно. Хон попробовал, зачерпнув ладонью, — сказал, что холодная, обычная, вода как вода. Егор тоже попробовал. Холодная так, что заломило зубы. Горная, подумал он. Поэтому и холодная.

— Всё, — сказал Асьер. — Есть кадр. Пошли.

И пошли обратно.

На обратной дороге сразу стало легче. Тропа расширилась, показался свет бензоколонки, и все опять расшумелись, громче прежнего, и Ибай досказывал начатое ещё внизу про какого-то Унаи, и все ржали, и Егор ржал вместе со всеми, и поймал себя на том, что ему хорошо, легко, и что он рад, что всё кончилось. И тут же на себя за это разозлился. Потому что если рад, что кончилось, — значит, боялся. А он же не боялся.

Внизу разошлись. Асьер сказал, что завтра выложит и будет круто. Дал Егору кулак, и Егор стукнул своим о его, и это было здорово.

Домой Егор шёл; не заставляя себя идти медленно, потому что уже не тянуло бежать. Всё прошло. Он даже посмеивался про себя.

Мать спала — он тихо разделся, лёг. Лежал и думал: и всё? И чего он весь вечер боялся, зачем вычислял, каким шагом идти. Ничего жуткого. Просто вода из камня и дерево. Дошли и вернулись. Он даже чуть презирал себя — за то, что было страшно из-за такой ерунды. Пообещал себе, что в следующий раз ничего вычислять не будет, пойдёт как все, спокойно.

С этим и уснул. Довольный. Что стал почти своим.

Глава четвёртая

Утром всё было как всегда. Мать будила его дважды, второй раз уже сердито, он опоздал бы, если б не она. Съел стоя, добежал до школы, влетел в класс до звонка. Ночь вспоминалась смутно, как вспоминается что-то, чего боялся, а оно оказалось не страшным. Он даже гордился немного. Ходил ночью наверх. К источнику, куда нельзя. И ничего.

На перемене они собрались у окна — Асьер, Ибай, Хон, Хонтхо. Егор подошёл и встал уже почти не вычисляя — вчерашняя ночь как будто добавила ему права стоять с ними.

— А где Мартин? — сказал Ибай, оглядываясь.

Егор промолчал. Он не знал никакого Мартина. Но спрашивать не стал — по привычке. Три месяца он жил так: если все знают, а ты нет, то виноват ты. Значит, Мартин — кто-то, кого он должен знать. Из параллельного, может. Или называли при нём, а он не запомнил, имён тут было много и все чужие.

— Заболел, наверное, — сказал Хон.

— После вчерашнего, что ли, — сказал Асьер, не отрываясь от телефона.

Вот это Егор зацепил. «После вчерашнего» — это про ночь, про источник. Он быстро пересчитал в голове, кто был. Асьер. Ибай. Хон. Хонтхо. Он сам. Пятеро. Он это помнил ясно, он же всю дорогу их считал, вычислял, где идти между ними.

— А он вчера был? — спросил Егор.

Ибай посмотрел на него.

— Ты debil? Конечно.

И отвернулся. И всё. Никто не стал ничего доказывать. Ибай удивился на секунду — глупому вопросу — и забыл, они уже говорили о другом, о том, сколько ролик наберёт.

И Егору сразу стало легче.

Потому что он понял: его разыгрывают. Ну конечно. Сходили ночью, а теперь прикалываются над новичком — придумали какого-то Мартина, который вчера был, и смотрят, купится ли он. Хорошо придумали, честно. Он даже почти восхитился. Это же значит, что он уже стал своим настолько, что над ним можно так шутить.

Он решил подыграть.

— Ааааа, Мартин, — сказал он. — Точно. Заболел.

— Совсем дурак, — сказал Ибай беззлобно.

И всё. Они разговаривали дальше.

Егор ждал, что сейчас кто-нибудь не выдержит и заржёт, скажет — купился, купился. Никто не заржал. Разговор шёл своим чередом, про ролик, про какого-то препода, никто не смотрел на Егора с той хитрой готовностью, с какой смотрят, когда разыгрывают и ждут развязки. Развязки не было. Они просто говорили дальше.

Значит, не розыгрыш.

Тогда Егор вернулся к объяснению, которое помогало всегда - он что-то не понял. Опять язык. Он же половину разговоров достраивал по контексту, ловил через слово. Может, Мартин подошёл к ним уже наверху, а Егор не заметил в темноте. Может, ушёл раньше. Может, Егор вообще спутал имя, тут у всех прозвища.

Асьер на перемене монтировал вчерашнее. Сидел, наклонив телефон, резал, склеивал, и Егор оказался рядом, смотрел через плечо, не нарочно, просто рядом стоял.

И на экране пошло вчерашнее.

Тропа. Темнота, светлее вверху. Жёлтое лицо Асьера, снятое им самим снизу, ямы вместо глаз. Ибай сзади хватает Хонтхо, тот вздрагивает. Егор узнавал всё — вот это было, и это, он сам там был, он помнил, как оно было. Видео шло ровно так, как он помнил.

А потом в кадре кто-то прошёл.

Между Хоном и краем, справа налево, спиной к камере, — парень. Прошёл и вышел из кадра.

— Стой, — сказал Егор.

Асьер не остановил, крутил дальше.

— Стой, назад.

— Чего?

Егор сам протянул руку, отмотал по полосе назад. Парень появился снова, прошёл.

— Это кто?

Асьер глянул на экран, потом на Егора.

— Мартин.

— Какой Мартин?

— Егор, ты чего? — Асьер сказал это не испуганно, а с досадой, как говорят, когда мешают работать. И вернулся к монтажу, потянул полосу дальше, к источнику.

Егор отмотал обратно.

Парень вышел из темноты справа, прошёл перед камерой, ушёл влево.

Егор отмотал назад.

Парень вышел из темноты справа, прошёл перед камерой, ушёл влево.

Егор отмотал назад.

Глава пятая

К вечеру Егор почти успокоился. Он не заметил. Темно было, он шёл, считал, куда ступить, смотрел под ноги и на пацанов, а не по сторонам. Мимо прошёл человек — Егор не заметил, а камера сняла. Камера же не занята тем, чтобы выглядеть своим. Она просто снимает.

Дома было тепло, пахло едой, мать смотрела своё на планшете, подперев щеку.

— Есть будешь?

— Потом.

— Потом остынет.

— Мам.

Он ушёл к себе, и здесь ему было легко, здесь ничего не надо было вычислять, здесь он просто был. Он лёг на кровать с телефоном.

Открыл чат, но не для того, чтобы искать Мартина. Ему хотелось проверить другое: как они вчера сговаривались. Просто перечитать, вспомнить, порадоваться немного, что был с ними.

Разговор был на месте. Он помнил его. Асьер написал время. Ибай что-то ответил, дурачился. Хонтхо спросил, брать ли большой фонарь или хватит телефона. Было и его, Егорово, сообщение — короткое, он тогда долго решал, что написать, и написал просто «я в деле», и теперь оно тут было, «я в деле», он помнил, как его писал.

А между сообщением Хонтхо про фонарь и ответом Асьера стояло ещё одно.

Мартин: я тоже иду

Егор смотрел на эту строчку. Он не помнил её. Он помнил всё вокруг неё — фонарь, время, своё «я в деле», — а этой строчки не помнил.

Он нажал на неё, чтобы посмотреть время. Телефон показал: отправлено в девять вечера. До того, как они собрались у заправки. До того, как пошли.

Значит, не наверху присоединился. Значит, был с самого начала, ещё в чате, ещё до выхода.

Егор сел. Внутри стало нехорошо, холодно, как перед контрольной, к которой не готов.

Он вчера не сидел в чате все время. Он был занят — собирался, волновался, куртку эту дурацкую менял. Сообщение пришло в девять — он мог просто пролистать, не вчитываясь, кто что написал. Он же и не вчитывался в имена, он вообще половину этих ребят путал первый месяц. Мартин написал — Егор проскочил взглядом. Такое бывает.

И это объяснение было хорошее ещё и потому, что в нём была правда. Вчера он и правда был занят собой. Больше ничем, только собой — что одеть, как идти, как не оплошать. За этим он мог не заметить что угодно.

Он выдохнул. Ладно. Значит, пропустил.

Он даже поел потом, разогрел сам, поел на кухне рядом с матерью, и она что-то рассказывала про соседку снизу, и Егор пропустил все вполуха.

Значит, пропустил, думал он, засыпая. Просто пропустил.

На следующий день на перемене он подошёл к Ибаю.

— Как фамилия Мартина?

Ибай посмотрел на него.

— Чего?

— Фамилия. У Мартина. Какая.

Ибай сказал. Егор не разобрал — тот звук в середине, который он так и не научился слышать, проглатывался, и вся фамилия из-за этого проглатывалась.

— Ещё раз.

Ибай повторил медленнее, с той чуть преувеличенной раздельностью, с какой повторяют иностранцу, и Егор в этой раздельности услышал наконец и записал в телефон, буква за буквой, проговаривая про себя.

— Зачем тебе? — спросил Ибай.

— Просто.

Ибай пожал плечами и отошёл.

Дома вечером он проверил. Нашёл Мартина — обычная строчка, класс, год, всё как у всех. Настоящий, записанный.

И снова стало легче. Вот же. Есть такой ученик. Значит, был всегда. Значит, всё правильно, а Егор просто чего-то не помнит, не заметил, не запомнил за три своих месяца, когда путал даже своих.

Он почти уснул на этом, и уже почти нырнул, и вот тут, на самом краю, его достала простая мысль, от которой он открыл глаза.

А если он и правда вчера был.

Шёл рядом. В чате писал. А Егор его не помнит.

Не «его нет». Не «я сошёл с ума». А вот так, узко и точно: человек был рядом, всю ночь, а в голове у Егора — пусто на его месте.

Он лежал и представлял это и долго не мог уснуть.

Глава шестая

Ему нужно было понять, когда все таки Мартин появился.

Это было задача, у которой есть ответ, надо только поискать. Был ли Мартин до этого вечера и главное, есть ли день, до которого Мартина не было. Надо просто найти этот день, и всё встанет на свое место. Может, аккаунт новый. Может, парень перевёлся недавно, в этом году, поэтому Егор его и не помнит толком. У всего есть начало. Надо просто долистать до начала.

Он открыл ленту Асьера и стал листать назад.

Асьер выкладывал много и давно, лента уходила вниз бесконечно — ролики, дворы, мопеды, чьи-то дни рождения, море летом, снова дворы. Егор листал, притормаживая на общих фотографиях, где была вся компания, и на каждой искал одно лицо.

Неделю назад они стояли у магазина, впятером или вшестером, — Мартин был.

Три недели назад жарили что-то на пустыре — Мартин был, с краю, отвернулся.

Месяц. Мартин.

Полтора. Мартин.

Егор листал быстрее. Он уже не разглядывал остальных, только проверял: есть или нет. Мартин был на каждой фотографии, где была вся компания. Не на переднем плане, никогда не был на первом плане, — но был. На каждой фотографии, где была компания.

Он долистал до фотографии, где они сидели на бордюре, вечером, с банками. Асьер моложе, лицо круглее. У Хонтхо была другая стрижка, короче, дурацкая. Кто-то — не разобрать кто — показывал камере средний палец. Обычная фотография, каких тысячи, ничего в ней не было, кроме того, что была весна, судя по куртке на Ибае, и что все они тут были на год моложе.

И Мартин сидел между Хоном и Хонтхо, чуть сгорбившись, с банкой, и смотрел не в камеру, а в сторону.

Егор посмотрел на дату под фотографией.

Потом отнял в уме.

Он приехал сюда в конце лета. А фотография была прошлой весной.

Он приехал на семь месяцев позже, чем был сделан этот кадр.

Егор сидел и смотрел в экран. Он ещё листнул ниже, глубже, дальше в прошлое, — год назад, зима, они в куртках во дворе, снег на перилах. Мартин стоял третьим слева, руки в карманах.

Егор перестал искать начало. Начала не было. Он листал вниз, а Мартин был всё время — на каждой фотографии, где была компания.

Той ночью, наверху, Мартина не было. Это Егор помнил. А здесь он был за год до той ночи. За семь месяцев до самого Егора.

Так когда он появился?

Егор вернулся наверх, к фотографии на бордюре, и открыл её ещё раз.

Асьер. Ибай. Хон. Хонтхо.

Мартин сидел между ними.

Под фотографией стояла дата. Егор приехал сюда на семь месяцев позже.

Глава седьмая

Назавтра был обычный день, и это было почти невыносимо — что обычный. Егор шёл в школу и всю дорогу говорил себе, что фотография ничего не значит, что он разберётся, что этому есть какое-то объяснение, просто он его пока не нашёл. Объяснение всегда находилось. Найдётся и сейчас.

На большой перемене он пошёл к своим. К окну в конце коридора, где они собирались. Он теперь ходил туда почти не думая, на каком расстоянии встать; за неделю это перестало быть необходимостью.

Все были на месте. Асьер сидел на подоконнике, спиной к окну, свесив ноги. Ибай что-то рассказывал, размахивая руками, про какой-то матч. Хонтхо ел булку, роняя крошки. Хон смотрел в телефон. И рядом с ними, привалившись плечом к стене, стоял ещё один парень.

Егор узнал его сразу. Не потому что где-то видел вживую. Потому что вчера полчаса листал это лицо — на бордюре, во дворе со снегом, на пустыре. Худой, тёмные волосы, лицо длинноватое, ничего особенного. Тот самый.

Мартин.

Егор не сбился с шага. Подошёл, встал, как всегда. Внутри было жутко.

— Подвинься, — сказал Ибай, не Мартину, а вообще, показывая Егору на подоконник, где было тесно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.